

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 376.64

DOI: 10.25991/3033-604X.2025.61.76.012

К. Л. Артемьев*

О ТРУДНОСТЯХ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ВИДОЛОГИИ ПЕТЕРБУРГСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ НА РУБЕЖЕ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию и анализу сложных аспектов определения видологии петербургских учреждений для детей-сирот, выявлению социально-экономических и культурных факторов, влияющих на функционирование и формирование сети этих учреждений. Также рассматриваются генезис и процесс исторического развития системы социальной помощи сиротам. Это позволит глубже понять, как исторические условия влияли на развитие системы помощи детям-сиротам в Петербурге и какие уроки можно извлечь для современного подхода к этой теме.*

***Abstract:** The article focuses on the study and analysis of the complex aspects of defining the typology of St. Petersburg institutions for orphans, as well as the identification of socio-economic and cultural factors that influence the functioning and formation of these institutions. It also explores the genesis and historical development of the social assistance system for orphans in St. Petersburg. This research aims to provide a deeper understanding of how historical conditions have shaped the development of the orphanage system in St. Petersburg and what lessons can be learned for a modern approach to this topic.*

***Ключевые слова:** городская образовательная политика, видология, сеть учреждений для сирот, дети-сироты, богадельни, сиротопитательный дом, приюты для сирот, сиротские институты, исторический опыт.*

---

* Артемьев Кирилл Леонидович — аспирант кафедры педагогики и андрагогики СПб АППО, заместитель директора по общим вопросам СПб ГБУ «Центр содействия семейному воспитанию № 10»; art_lit@mail.ru

Artemyev Kirill Leonidovich — postgraduate student at the Department of Pedagogy and Andragogy at the St. Petersburg Academy of Professional Development, and Deputy Director for General Affairs at the St. Petersburg Center for Family Support No. 10; art_lit@mail.ru

Keywords: *urban educational policy, vidology, network of institutions for orphans, orphaned children, almshouses, orphanages, institutions for orphans, historical experience.*

В современном обществе, где, к сожалению, не все дети растут в семьях, вопрос о судьбе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сохраняет свою остроту. В последние годы эта проблема вновь выходит на первый план, требуя не только внимания со стороны государства и общественных организаций, но и активного участия каждого неравнодушного человека. Поиск эффективных путей решения проблем этих детей — задача, от которой зависит будущее целого поколения. Именно поэтому так важно всесторонне изучить существующие подходы к решению этой проблемы, проанализировать их эффективность и выявить те направления, которые требуют дальнейшего развития и совершенствования. Речь идет не только о материальной поддержке и обеспечении базовых потребностей, но и о создании благоприятной среды для полноценного развития личности, предоставлении возможности получить образование, освоить профессию и успешно интегрироваться в общество.

При решении актуальной по сей день проблемы будет правильным опираться на исторический опыт, наработанный различными акторами образовательной политики Санкт-Петербурга в прошлом, поскольку взгляд в прошлое отечественной педагогики и образования позволит не допустить ошибок в будущем [13, с. 23].

Исторически сложилось так, что с XVI в. в Европе, а затем и в России основным инструментом помощи детям, потерявшим родителей, стали специализированные учреждения. Однако при более детальном рассмотрении, особенно в контексте городской политики Санкт-Петербурга на рубеже XIX и XX вв., возникает ряд вопросов, касающихся классификации и видологии этих заведений. Изучая социально-педагогические аспекты работы с нуждающимися несовершеннолетними в столице Российской империи в тот период, автор столкнулся с определенными трудностями в четком разграничении видов учреждений, функционировавших для поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без родительской опеки.

Цель этой статьи — пролить свет на сложную и многогранную систему учреждений для поддержки детей-сирот, сложившуюся к началу XX в. в Петербурге. Мы постараемся разобраться в том, какие виды организаций существовали, какие задачи они выполняли и как они взаимодействовали друг с другом, формируя, по сути, городскую политику в решении детского сиротства. Для этого необходимо проследить, как зарождалась, формировалась и развивалась система поддержки сирот на протяжении истории и какие задачи перед ней ставились на разных этапах.

Сложно однозначно утверждать, с какого момента в Российском государстве начинается централизованная и целенаправленная социальная политика

в отношении детей, нуждающихся в помощи. Одни авторы связывают ее зарождение с временем Ивана Грозного, а именно с Стоглавым Собором 1551 г., когда прозвучала идея о выявлении всех нуждающихся, в том числе и осиротевших детей, и оказании им помощи через сеть специальных учреждений, подчиненных Патриаршему приказу [10]. Другие считают отправной точкой системного призрения детей времена первых Романовых, когда указом царя Федора Алексеевича 1682 г. повелевалось не просто содержать нищих «робят», но и обучать их грамоте и ремеслам [7]. Следует признать, что в обоих случаях никакой системной работы по оказанию помощи сиротам не последовало, и оба документа можно рассматривать как признание государственной властью наличия проблемы и декларацию о желании ее решать.

Нас в рамках темы данной статьи больше интересует, через какие конкретно учреждения государство намеревалось решать заявленные ею проблемы.

В Главе 73 Стоглава (сборнике постановлений Стоглавого Собора) предполагается: «Да в коемждо граде устроить богадельни мужския и женския...», и всех неспособных себя прокормить «устроити в богадельнях пищу и одеждою» [12, с. 335–336]. Обращают на себя внимание два интересных факта. Во-первых, в постановлении Собора впервые упоминается феномен, который в наше время называется общественно-государственным партнерством, поскольку предполагалось взаимодействие и государственных служащих, и священнослужителей, и частных (общественных) благотворителей (боголюбцев): «А боголюбцы милостыню и вся потребная им приносят же своего ради спасения», «Да над ними приказати священником добрым, да целовальником или градским людем добрым над ними смотрити...» [12, с. 335–336]. Во-вторых, в перечни категорий нуждающихся, которым предполагалось оказывать помощь в богадельнях, дети отдельно не упомянуты. Это вполне характерно для общества XVI в., в котором несовершеннолетние не рассматривались как личности, а являлись приложением к своим родителям. То есть Иван IV и участники Собора предполагали, что дети вместе со своими хворыми и нетрудоспособными отцами или вдовыми матерями будут поступать в «мужския и женския» богадельни. Круглые сироты, вероятно, подразумевались под категорией «не могущих нигдеже главы подклонити» [12, с. 335].

Итак, первым видом учреждения, которое должно было оказывать помощь широкому спектру нуждающихся лиц, включая малолетних, являлась богадельня.

Православная энциклопедия «Азбука веры» дает следующее определение этому понятию:

Богадельня (от выражения: Бога дѣля (для Бога)) — благотворительное учреждение, предоставляющее, во имя Божье (по любви к Богу и ближнему, кров, заботу и содержание представителям социально незащищенных слоев населения: инвалидам, престарелым, тяжело больным и пр. [1]. Таким образом, в самом начале своего существования, учреждения, призванные помогать сиротам, не были специализированными. Они скорее представляли собой универ-

сальные центры помощи для всех нуждающихся, где дети не рассматривались как отдельная категория. Помощь же, оказываемая всем, носила односторонний характер и сводилась к обеспечению базовых потребностей — «пищью и одеждою». То есть главная задача заключалась в физическом выживании тех, кто оказался под опекой.

Несмотря на хаос и потрясения Смутного времени, когда страна переживала социальные и политические катаклизмы, сеть богаделен постепенно расширялась, и уже к середине XVII в. в одной только Москве насчитывалось около десяти таких учреждений. Однако идея, выдвинутая Стоглавым Собором, о совместном участии государства, церкви и общества в организации и поддержании богаделен, так и не воплотилась в жизнь. В итоге забота о сиротах, как и вся благотворительная деятельность в целом, полностью легла на плечи Русской православной церкви. С приходом к власти династии Романовых вновь возник вопрос о необходимости активного участия государства в оказании помощи нуждающимся. При Алексее Михайловиче учреждается Приказ строения богаделен. Этот факт говорит о важной тенденции того времени: необходимости масштабирования сети богаделен по всей стране. Это, в свою очередь, указывает на рост числа нуждающихся в помощи и заботе: Смута и события «Бунташного века» привели к появлению бесчисленного количества нищих, вдов и сирот. Как говорилось выше, в царствование старшего брата Петра Великого, Федора Алексеевича, вышел указ 1682 г. Он примечателен для нас тем, что в нем сироты упоминаются уже как отдельная категория нуждающихся во внимании властей. Кроме того, в указе говорится и о специальной помощи для этих детей. Помимо удовлетворения элементарных потребностей, детей-сирот предполагали обучать чтению, письму и различным ремеслам [7]. Таким образом, мы можем наблюдать зарождение педагогических процессов в отношении сирот: обучения и социализации.

Эпоха Петра I стала третьей значимой вехой в истории государственной заботы о сиротах в России. При Петре I эта забота приобрела более системный и масштабный характер. В это время, помимо традиционных богаделен, появились новые типы учреждений — сиропитательные дома. Одним из первых таких заведений стала сиропитательница, основанная митрополитом Великоновгородским и Великолуцким Иовом в 1706 г. Это было значимым шагом вперед, поскольку сиропитательницы отличались от богаделен, предлагая более специализированный подход к проблеме сиротства.

Сиропитательница (сиропитательный дом) — первый в России приют для «несчастнорожденных» и «засорных», т. е. незаконнорожденных и подкидных младенцев.

И, как это ни парадоксально звучит сегодня, главной целью этих сиропитательниц была не столько помощь осиротевшим детям, сколько «спасение христианской души» их матерей. Дело в том, что на рубеже XVII и XVIII вв. остро стояла проблема незаконнорожденных детей и их убийства матерями, оказавшимися в отчаянном положении. Сиропитательницы, таким образом,

рассматривались как способ предотвратить детоубийства и дать шанс матерям избежать тяжкого греха [3, с. 20]. О масштабах проблемы можно судить по тому факту, что впоследствии в Новгороде митрополитом Иовом было организовано еще десять сиропитательниц, в которых воспитывалось около трех тысяч сирот [11, с. 69].

Идея организации сиропитательных домов была взята на вооружение Петром I. В своих указах от 1712 и 1715 гг. он предписывает «учинить шпиталитеты», в которые должны были принимать младенцев «...от незаконных жен рождены, дабы вяшего греха не делали, сиречь убийства» [3, с. 20]. Вместе с тем подход к решению проблемы сиротства у императора был сугубо утилитарным. Дети рассматривались им прежде всего как потенциальная рабочая сила для государства. Воспитанники монастырских богаделен и государственных гошпиталей, достигнув семилетнего возраста, направлялись на мануфактуры для обучения различным ремеслам. Беспризорные мальчики старше десяти лет, задержанные властями, определялись в матросы на морские и речные суда.

К этому же времени относится и зарождение петербургской сети учреждений для детей-сирот. На месте нынешней церкви «Всех скорбящих Радость» стоял трехэтажный дворец, принадлежавший сестре Петра Великого, царевне Наталье Алексеевне. После ее кончины в 1716 г. память о ней сохранилась в названиях окружающих мест. Так, благодаря домово́й церкви царевны, освященной во имя Воскресения, появились Воскресенский проспект (сегодня проспект Чернышевского), Воскресенский мост и Воскресенская набережная (ныне набережная Робеспьера).

Наталья Алексеевна была известна своей благотворительностью. Рядом со своим домом она основала богадельню, где находили приют пожилые и немощные женщины. После ее смерти Петр I решил использовать это место для создания гошпиталя для брошенных детей. К зданию богадельни были пристроены специальные помещения, куда анонимно подбрасывали младенцев. Женщины, проживавшие в богадельне, брали на себя заботу о них до семилетнего возраста. Вероятно, таким образом император воплощал в жизнь свой указ об организации при церквях приютов для незаконнорожденных детей. Семилетний возраст, по достижении которого дети покидали приют, также мог быть продиктован этим указом, предписывавшим отправлять их на мануфактуры. Этот приют, названный Воскресенским, к сожалению, просуществовал недолго и был закрыт сразу после смерти Петра I.

В то же время другой видный деятель петровской эпохи, архиепископ Феофан Прокопович, проявил заботу о детях, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В 1721 г. он основал на собственные средства школу для сирот подросткового возраста в своей усадьбе на берегу реки Карповки. Эта школа, известная как Карповская школа, стала воплощением передовых педагогических идей. Прокопович, предвосхищая взгляды Екатерины II и И. И. Бецкого, стремился воспитать из этих детей разносторонне образованных и культурных

людей, способных принести пользу России. Образовательная программа школы была разработана в духе Просвещения и направлена на гармоничное развитие личности. К сожалению, Карповская школа также прекратила существование со смертью своего основателя.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что, несмотря на усилия государства в направлении решения проблем детского сиротства, до конца XVIII в. не была выработана четкая и последовательная система, способствующая разрешению указанных вопросов. Тем не менее на данном этапе происходит осознание уникальности ситуации с сиротами, что приводит к созданию специализированных учреждений, направленных на их поддержку и воспитание.

С момента своего основания Санкт-Петербург начинает играть ключевую роль в разработке и внедрении инновационных педагогических подходов, касающихся работы с детьми-сиротами. Город становится экспериментальной площадкой для реализации смелых идей, призванных улучшить условия жизни и обучения данной категории детей.

Действительно, системный подход к решению проблем детского сиротства в России начал формироваться в конце XVIII в. Тогда была создана образовательно-воспитательная система, которая, однако, строилась на сословном принципе. Это означало, что дети из разных социальных слоев получали образование в разных учебных заведениях, и для каждого сословия определялись свои цели и задачи в воспитании и обучении [6, с. 35].

Этот сословный принцип полностью отражался и в подходе к социально-педагогическим проблемам детей-сирот. То есть помощь и поддержка, которую получали сироты, напрямую зависела от их происхождения и принадлежности к определенному сословию. Именно в этот период в Петербурге и возникает сеть учреждений для детей-сирот, состоящая из разных видов специализированных заведений. Представлена она была следующими учреждениями:

Императорский Санкт-Петербургский Воспитательный дом — открыт в 1772 г. и предполагался как новый для России вид закрытого учебно-воспитательного заведения, призванный полностью обеспечить процесс воспитания и образования незаконнорожденных детей и сирот с целью подготовки «купцов, художников, торговщиков и фабрикантов» [9, с. 242].

Императорский военно-сиротский дом — действовал с 1795 г. и ставил своей целью «пристойно воспитывать и к воинской службе готовить» осиротевших сыновей офицеров (Благородное отделение) и солдат (Солдатское отделение) [9, с. 241–242].

Мещанское училище — было создано в 1765 гг. для «воспитания... подлой породы девушек» и принимало осиротевших дочерей дворцовых служащих, священнослужителей из столицы, унтер-офицеров лейб-гвардии, уважаемых купцов и старшин ремесленных цехов Санкт-Петербурга [9, с. 100–101].

Екатерининский институт (основан в 1798 г.) был ориентирован на воспитание дочерей дворян и чиновников, умерших на службе.

Таким образом, система помощи детям-сиротам, сложившаяся в Петербурге на рубеже XVIII–XIX вв., представляла собой сложную иерархическую структуру, отражавшую сословное деление общества.

Начиная с 1860-х гг. в социальной политике Петербурга, как и во всей России, произошли значительные изменения. Подобно западноевропейским странам, в столице империи начала формироваться новая сеть благотворительных организаций и учреждений. Механизмы оказания помощи нуждающимся совершенствовались и охватывали все большее число людей. Размытие сословных различий и развитие земского и городского самоуправления оказали огромное влияние на развитие системы социальной помощи.

В то же время приходилось учитывать новые социальные факторы, способствующие распространению беспризорности, такие как урбанизация и вовлечение женщин в промышленное производство. В результате к управлению общественным призрением стали привлекаться представители разных сословий, национальностей и вероисповеданий. Это способствовало развитию системы и появлению множества учреждений для детей-сирот, призванных отвечать на новые вызовы, связанные с глобальными экономическими и социальными изменениями. Помимо традиционных сиротских домов и институтов, основанных еще в XVIII в., стали появляться учреждения с новыми формами организации, направленные на решение социальных проблем, вызванных ранним началом трудовой деятельности детей и подростков, безнадзорностью, преступностью несовершеннолетних и распространением болезней.

Именно в этот период мы сталкиваемся с трудностями в определении видов учреждений для детей-сирот. Это связано с широким спектром функций, которые начинают выполнять подобные заведения, большим количеством акторов, задействованных в решении социально-педагогических проблем, а также различием методов, с помощью которых лица и организации, задействованные в городской политике решения проблем сиротства, пытались достичь своих целей. Все перечисленное делает попытки классифицировать и систематизировать эту сложную систему чрезвычайно трудными.

Самым распространенным видом учреждения для детей-сирот в рассматриваемый период становятся приюты. Они составляли 84,7% среди петербургских учреждений для сирот [2, с. 5]. Интернет-ресурс «Грамота» дает следующее определение этому слову:

Приют — благотворительное учреждение для проживания детей, не имеющих родителей, бездомных или одиноких, нуждающихся людей [4].

Но к концу XIX в. приюты вышли в своей деятельности за рамки предоставления элементарной помощи и приобрели черты образовательных организаций: согласно «Положению о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии» 1891 г., образование становится неотъемлемой частью работы приютов, включающей не только религиозное и нравственное воспитание, но и обучение полезным ремеслам [5, с. 3]. Кроме того, при многих приютах открывались отделения для приходящих, т. е. далеко не все дети жили в них.

В стремлении создать более благоприятные условия для детей-сирот предпринимались попытки отойти от казарменной системы и приблизить жизнь в сиротских учреждениях к семейной обстановке. Это привело к появлению принципиально новых форм организаций для нуждающихся детей, таких как **земледельческие детские колонии, школы для малолетних преступников, «разбросанные дома», приюты «домашнего очага», корабли-приюты** и т. п.

Таким образом, становится очевидным, что классифицировать множество учреждений с их взаимопересекающимися функциями и различными формами, а также интегрировать их в единую модель крайне сложно.

И. Ф. Касацкая в своем диссертационном исследовании предлагает следующую видологию учреждений для детей-сирот, существовавших на рубеже XIX и XX вв.: первая группа — заведения для призрения малолетних и несовершеннолетних (воспитательные и сиротские дома, ясли, колыбельни, убежища, детские сады, земледельческие колонии, приюты, в том числе приюты трудолюбия, исправительно-воспитательные учреждения); вторая группа — заведения дешевого и бесплатного обучения (школы, училища, учебные ремесленные мастерские); к третьей группе И. Ф. Касацкая относит детские заведения лечебной помощи [8, с. 36–37].

Исключая медицинские учреждения, сконцентрируемся на анализе предложенной видологии образовательных и благотворительных учреждений для детей-сирот. По мнению автора настоящей статьи, она не учитывает указанных нами обстоятельств того, что грань между учреждением, осуществляющим деятельность по призрению сирот, и учреждением, осуществляющим образовательную деятельность, к началу XX в. практически стерлась. Сами организаторы часто не видели принципиальной разницы между этими видами заведений. История с учреждением приюта для детей-сирот ремесленников в 1856 г., который из-за бюрократических сложностей был переименован в Александровскую школу, служит ярким примером этой размытости. Петербургской Ремесленной Управе не было позволено назвать открытое ими учреждение приютом, поскольку оно не находилось в ведении Главного попечительства детских приютов. Тогда учредители переименовали свое детище в школу. При этом изначальные планы по оказанию там помощи осиротевшим детям ремесленников не изменились [14, с. 4]. Этот случай демонстрирует, что зачастую формальное подчинение ведомству, а не фактическая деятельность, определяло название и статус учреждения.

Анализируя деятельность сиротских учреждений описываемого периода, автор выявил определяющую черту, способную стать четким критерием для их классификации. Одни учреждения представляли всестороннюю поддержку: они предоставляли детям не просто временный приют, а возможность длительного пребывания, подкрепленную основательной образовательной программой, соответствующей уровню уездного училища, — не менее четырех классов. Более того, эти учреждения заботились о будущей интеграции своих воспитанников в общество, обучая их востребованным профессиям, дающим

возможность обеспечивать себя интеллектуальным или высококвалифицированным ремесленным трудом. Старейшие петербургские институты Ведомства императрицы Марии с момента основания уделяли особое внимание профессиональной подготовке своих питомцев. Александровский, Патриотический и Елизаветинский институты готовили из девушек гувернанток. Воспитанницы Николаевского сиротского института приобретали навыки домашних учительниц, преподавателей музыки, танцев, французского языка и учителей народных училищ. Воспитательный дом стал первым в Петербурге и России учреждением, готовившим сельских учителей и младший медицинский персонал. Юношей также наставляли в канцелярском деле, фельдшерском искусстве, фармацевтике и садоводстве.

Но такой же подход был и в некоторых учреждениях, имеющих скромный статус приюта. Так Демидовский дом, начинавшийся как приют для девочек-сирот, из которых готовили квалифицированную домашнюю прислугу, к началу XX в. представлял из себя целый образовательный комплекс, включающий в себя женскую гимназию с пансионом, женское коммерческое училище, женскую профессиональную школу рукоделия, педагогические курсы иностранных языков [15, с. 27–37]. Такую же длительную и всестороннюю помощь оказывал своим подопечным и приют принца Петра Георгиевича Ольденбургского, в котором мальчики-сироты обучались на трех специализированных отделениях: 1) реальном, 2) низшем механико-техническом, 3) ремесленном [9, с. 511–513]. По окончании обучения воспитанникам подобных учреждений оказывалась помощь, которую в наше время называют постинтернатным сопровождением: осуществлялось содействие в трудоустройстве, выдавались «подъемные суммы» на первоначальное обустройство быта, отслеживалась дальнейшая судьба.

В то же время другие учреждения фокусировались на оказании краткосрочной экстренной помощи и быстром решении вопросов дальнейшего устройства детей. Их приоритетом было обеспечение присмотра, начального образования и основ ремесла. Например, приюты, подчиненные упомянутому выше Главному попечительству детских приютов, содержали в своих стенах детей только до 12-летнего возраста [5, с. 25].

Таким образом, можно выделить два принципиально разных подхода к организации помощи детям-сиротам, практикуемых в Петербурге на рубеже XIX и XX вв.: долгосрочная всесторонняя поддержка, направленная на профессиональную подготовку и интеграцию в общество, и краткосрочная помощь, ориентированная на выживание и базовое образование.

В контексте изучения учреждений для сирот в Петербурге конца XIX — начала XX веков мы предлагаем классифицировать их, опираясь на два ключевых критерия: **долгосрочность и полноту предоставляемой помощи.**

Наша логика следующая: если учреждение изначально ориентировано на кратковременную, «паллиативную» помощь, но в итоге фактически предоставляет детям приют, то мы считаем целесообразным классифицировать его именно как **приют.**

Напротив, учреждения, которые оказывали детям долгосрочную поддержку, действительно становились для них домом в полном смысле этого слова. Поэтому мы предлагаем называть их **сиротскими домами**.

Таким образом, фокус на продолжительности и объеме помощи позволяет нам более точно определить роль и значение каждого конкретного учреждения в жизни осиротевших детей.

Подводя итог, важно отметить, что на современном этапе социальная система для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, также представляет собой сложную сеть, в которой взаимодействуют различные учреждения, органы государственной власти, волонтерские организации и благотворительные фонды. Эти разноуровневая направленность и многофункциональность позволяют учитывать различные потребности воспитанников. Однако создают и определенные сложности в управлении системой. Понимание исторических взаимосвязей в этой сфере критически важно. Это знание поможет разработать более эффективные стратегии и программы, направленные на улучшение условий жизни детей-сирот, а также на их интеграцию в общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азбука веры — Православная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/bogadelnya> (дата обращения: 19.06.2025).
2. Благотворительность в Санкт-Петербурге / под ред. Ю. Э. Янсона. СПб.: Тип. Шредера, 1891.
3. *Варывдин В. А., Клемантович И. П.* Управление системой социальной защиты детства: учеб. пособие для вузов. М.: Педагогическое общество России, 2004.
4. Высочайше утвержденное 18 июля 1891 года Положение о детских приютах Ведомства учреждений императрицы Марии и Высочайше утвержденные 28 октября 1896 года Основные начала для деятельности Комитета Главного попечительства детских приютов. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900.
5. Грамота: справочно-информационный портал [Электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/meta/priyut> (дата обращения: 20.06.2025).
6. *Занозина В. Н.* Сиротство и беспризорность в России: история и современность. СПб.: Лики России, 2008.
7. *Казакова О. Ю.* Институт социального призрения детей в России (исторические традиции) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2009. Вып. 1. С. 35–39.
8. *Касацкая И. Ф.* Исторический опыт становления попечительства о детях на примере деятельности Ведомства учреждений императрицы Марии (1861–1917): дис. ... канд. исторических наук. М.: РГСУ, 2005.
9. *Керзум А. П.* Благотворительность в Санкт-Петербурге 1703–1918: историческая энциклопедия. СПб.: Лики России, 2016.
10. Кулаева П. М. Социальная помощь детям-сиротам в истории России // *Colloquium-journal*. 2019. № 24 (48). С. 200–202.
11. *Степанова И. А.* Социально-правовая защита детства в России в XVIII веке // Педагогическое образование в России. 2008. № 3. С. 67–73.

12. Стоглав. Казань: Тип. Губернского правления, 1862. 454 с.
13. Федорова Н. М. Общественно-педагогические дискуссии и их роль в модернизации образования в России // Непрерывное образование. СПб.: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования. 2014. № 3 (9). С. 23–27.
14. Ханзадаева А. Богадельня и Александро-Невская школа-приют ремесленного общества: реферат. СПб.: ГБОУ ДОД ДДЮТ Московского района, 2015. 20 с.
15. Шевелев А. Н. Демидовские учебные заведения дореволюционного Петербурга (к 170-летию со дня основания) // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1. С. 27–37.

REFERENCES

1. *Azбука very — Pravoslavnyaya enciklopediya* [Alphabet of Faith — Orthodox Encyclopedia]. [Electronic resource] URL: <https://azbyka.ru/bogadelnya> (accessed: 19.06.2025) (in Russian).
2. *Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge* [Charity in St. Petersburg] / ed. by prof. Yu. E. Yanson. Saint Petersburg, Tip. Shredera, 1891 (in Russian).
3. Varyvdin, V. A. *Upravlenie sistemoy social'noj zashchity detstva* [Management of the System of Social Protection of Childhood]: учебное пособие. Moscow, Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2004 (in Russian).
4. *Vysochajshe utverzhdennoe 18 iyulya 1891 goda Polozhenie o detskikh priyutah Vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii i Vysochajshe utverzhdennyye 28 oktyabrya 1896 goda Osnovnye nachala dlya deyatelnosti Komiteta Glavnogo popechitel'stva detskikh priyutov* [Supremely Approved on July 18, 1891, the Regulation on Children's Shelters of the Department of Institutions of Empress Maria and the Supremely Approved on October 28, 1896, the Basic Principles for the Activities of the Committee of the Main Guardianship of Children's Shelters]. Saint Petersburg, Tip. V. Kirshbauma, 1900 (in Russian).
5. *Gramota: spravochno-informacionnyj portal* [Grammar: reference and information portal]. [Electronic resource] URL: <https://gramota.ru/meta/priyut> (accessed: 20.06.2025) (in Russian).
6. Zanozina, V. N. *Sirotnost' i besprizornost' v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Orphanhood and Homelessness in Russia: History and Modernity]. Saint Petersburg, Liki Rossii, 2008 (in Russian).
7. Kazakova, O. Yu. *Institut social'nogo prizreniya detej v Rossii (istoricheskie tradicii)* [The Institute of Social Care for Children in Russia (Historical Traditions)]. In: *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], 2009, iss. 1 (in Russian).
8. Kasatskaya, I. F. *Istoricheskij opyt stanovleniya popechitel'stv o detyah na primere deyatelnosti Vedomstva uchrezhdenij imperatricy Marii (1861–1917)* [Historical Experience of the Formation of Guardianships for Children on the Example of the Activities of the Department of Institutions of Empress Maria (1861–1917)]: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Moscow, RGSU, 2005 (in Russian).
9. Kerzum, A. P. *Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge 1703–1918* [Charity in St. Petersburg 1703–1918]: istoricheskaya enciklopediya [historical encyclopedia]. Saint Petersburg, Liki Rossii, 2016 (in Russian).
10. Kulaeva, P. M. *Social'naya pomoshch' detyam-sirotam v istorii Rossii* [Social Assistance to Orphans in the History of Russia]. In: *Colloquium-journal*, 2019, no. 24 (48), pp. 200–202 (in Russian).
11. Stepanova, I. A. *Social'no-pravovaya zashchita detstva v Rossii v XVIII veke* [Socio-Legal Protection of Childhood in Russia in the 18th Century]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2008, no. 3, pp. 67–73 (in Russian).

12. *Stoglav* [The Hundred Chapters]. Kazan': Tip. Gubernskogo pravleniya, 1862. 454 p. (in Russian).

13. Fedorova, N. M. Obshchestvenno-pedagogicheskie diskussii i ih rol' v modernizacii obrazovaniya v Rossii [Socio-Pedagogical Discussions and Their Role in the Modernization of Education in Russia]. In: *Neprevryvnoe obrazovanie* [Lifelong Education]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskaya akademiya postdiplomnogo pedagogicheskogo obrazovaniya [St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education], 2014, no. 3 (9), pp. 23–27 (in Russian).

14. Khanzadaeva, A. *Bogadel'nya i Aleksandro-Nevskaya shkola-priyut remeslennogo obshchestva* [Almshouse and Alexander Nevsky Craft Society Boarding School]: referat [report]. Saint Petersburg, GBOU DOD DYuT Moskovskogo rajona, 2015. 20 p. (in Russian).

15. Shevelev, A. N. Demidovskie uchebnye zavedeniya dorevolucionnogo Peterburga (k 170-letiyu so dnya osnovaniya) [Demidov Educational Institutions of Pre-Revolutionary St. Petersburg (on the 170th Anniversary of its Foundation)]. In: *Istoriko-pedagogicheskij zhurnal* [Historical and Pedagogical Journal], 2017, no. 1, pp. 27–37 (in Russian).